

Чжао Ланьсянь была поймана им и поцелована. Они целовались до тех пор, пока ее щеки не покраснелись и не стали гореть от жара.

Девушка почувствовала его энтузиазм и посмотрела на него так, как будто он вот-вот встанет на колени и сделает предложение. Стук ее сердца почти перекрывал смех, доносившийся со двора семьи Ли.

Ее ладони вспотели.

— Не создавай проблем, возвращайся, — прошептала она Хэ Сунбаю.

Энтузиазм в сердце Хэ Сунбая остыл, и он в смущении опустил руку Чжао Ланьсян.

Его загорелое лицо подозрительно покраснело. Он понял, что поступил... как хулиган!

Мужчина вздохнул и подумал, что становится все более и более неуправляемым.

Чжао Ланьсян посмотрела на него с улыбкой и сжала его пальцы.

— Ладно, не стесняйся, потом поговорим серьезно. Поскорее возвращайся, чтобы выпить свадебного вина. Единственная драгоценная свадьба в жизни твоей старшей сестры, ты не можешь вот так убежать на улицу и прятаться. Смирись с этим.

Было две причины, по которым Хэ Сунбай «прятался» на улице: во-первых, когда его девушка звала его, он шел следом. Во-вторых, потому что пришло много членов бригады.

Хэ Сунбай подсознательно привык к холодным взглядам окружающих и намеренно избегал их при произнесении тостов, чтобы не опозориться.

Честно говоря, его самого не волновали те, кто смотрит на других людей свысока, но он боялся, что кому-то будет горько в этот счастливый день и тот скажет что-то неприятное.

Чжао Ланьсян любовно коснулась уха своего мужчины и ободряюще сказала:

— Иди. Младший брат невесты должен в это время выйти вперед и поддержать «огневую мощь».

Чжао Ланьсян замечала, что этот человек немного помнит о своем происхождении. Даже в такой радостный день он должен проходить его осторожно.

Чего не знал Хэ Сунбай, так это того, что на следующий день после обвала горы Нюцзяо, после

того, как директор женской федерации и капитан второй бригады Хэ Лайфу прислали цыплят, чтобы похвалить их за «хорошее поведение», Чжао Ланьсян написала похвальное письмо и обзорные материалы для «прогрессивных членов» коллективной жизни.

Она написала в партию, а через несколько дней в провинциальных газетах была опубликована информация о крупном несчастном случае на производстве, и, кстати, небольшой кусок статьи был выделен «героям».

Хэ Сунбай в это время был занят: он спешил восполнить расходы на лечение зятя и, конечно же, не обратил внимания на изменение отношения к нему жителей деревни.

Однако вскоре Хэ Сунбай это почувствовал.

На его лице появилась улыбка, но она была несколько сдержанной. Когда он стоял лицом к толпе, его улыбка казалась точно выверенной. У него не было радости в сердце, когда он сталкивался с этими людьми. Он даже говорил ровно и, как правило, был немногословен.

— Я иду, иду.

Он поднес ко рту большую чашу, которую поднес ему Ли Даню, и выпил ее всю.

Это рисовое вино по три фыня за пол-литра, дешевое и крепкое. Семья Ли купила сразу десять литров.

Еды и вина хватало, и все смогли хорошо провести время.

Трое мужчин из семьи Ли так радовались, что уже напились до смерти. Где уж тут Даню, Дама и Дагоу выпить столько вина...

На свиноферме, где работает Хэ Сунбай, всегда есть высококонцентрированные крепкие и пряные спиртные напитки. Мясники каждый день после тяжелой работы по забою и разделке свиней могут получить стопочку для бодрости.

После того, как Хэ Сунбай в течение всего лета пил, его толерантность к вину резко возросла.

Даню протянул руку помощи и с удовольствием подтолкнул Хэ Сунбая вперед.

— Представляете, это брат моей невестки. Отпустите меня и просто идите к нему! — пьяно улыбнулся он, размахивая руками.

Хэ Сунбай честно принимал одну рюмку за другой. Возможно, из-за того, что у него была

слишком смуглая кожа, краснота от опьянения не была видна. Членам бригады не заметили, что он пьянеет, и предлагали еще и еще.

Хэ Сунбай пил одну чашу за другой, выпивая со всеми присутствующими.

После того, как члены бригады напились, Хэ Сунбай почувствовал облегчение.

В отличие от ожидаемого им цинизма, люди оказались немного более искренними.

Он с удовольствием выпил еще несколько чаш вместе с Ли Даню, но для последнего это было слишком. Он засел в клозете и не мог выйти.

Чжао Ланьсян издали посмотрела на Хэ Сунбая, опустила голову, поджала губы и улыбнулась.

Свадебный банкет начался в полдень, и еще до захода солнца все, довольные, стали возвращаться домой.

Сестре Хэ пришлось провести первую ночь в доме мужа, так как на следующий день она должна была приготовить ужин и подать чай для свекров, а завтра супруги вернуться в дом семьи Хэ.

Чжао Ланьсян специально научила ее готовить картофельно-яичный омлет. Готовить его быстро и просто, и он всегда получается ароматным и вкусным. Он очень подходит для того, чтобы порадовать свекровь.

Бабушка не вышла на свадебный пир, а ела одна в доме. Несмотря на то, что она была в одиночестве, она чувствовала себя спокойно.

После того, как Хэ Сунбай закончил пить, он пошел в комнату, взял на спину свою старенькую бабушку и обошел вокруг дома семьи Хэ.

За последние десять лет она впервые вышла на улицу. Бабушка смотрела на голубые воды и зеленые горы деревни Хэцзы, а перед ее глазами мелькали события прошлого.

Она смотрела на эти горы и реки холодно, робко и ностальгически.

Хэ Сунбай сказал:

— Бабушка, Банда Четырех схвачена!

Бабушка ответила:

— Хорошо, что они упали... Хорошо, что упали... Я останусь еще ненадолго и своими глазами увижу, что будет со страной.

Хэ Сунбай не знал, что сказать, и промолчал.

— Сегодня твоя сестра вышла замуж, и я исполнила свое желание. Я очень спокойна и счастлива. Сунбай... Теперь ты остался.

Хэ Сунбай почувствовал, что дальше эта тема развиваться не может, и быстро перевел разговор на другое:

— Когда я ходил в больницу, бабушка, твой старый друг особенно сожалел, что старшая сестра глухая, и устроил ей проверку. Он сказал, что ее можно вылечить с помощью операции. Возможно, восстановление ее слуха будет стоить дороговато... И, может быть, это не сработает, ведь старшая сестра давно повредила слух. Но я хочу ее вылечить. Я хочу попробовать.

Бабушка молчала, ее голова прильнула к плечу внука, а в мутных глазах плескалось чувство вины.

— Когда твоя старшая сестра оглохла, в нашей семье как раз случилась беда. Взрослые плохо за ней ухаживали, и у нее несколько дней держалась высокая температура.

Хэ Сунбай легкомысленно ответил:

— Старшая сестра не винит тебя. Я буду много работать, чтобы накопить денег для старшей сестры на лечение ее болезни.

Бабушка обняла внука за шею и вздохнула:

— Сунбай... Я заставила тебя страдать.

Золото в семье было израсходовано — мало что удалось спасти. Оставшийся тайник был зарыт под горой Ньюцзяо, но там творился такой хаос, что сейчас его невозможно найти.

— Твои папа и дедушка — все чистые и благородные люди, не знающие цену деньгам, и из-за них ты страдаешь.

До несчастного случая их самое большое и любимое сокровище было зарыто в большой коробке, в которой лежали одни бесполезные отходы. Живопись, каллиграфия, литература,

фарфор и нефрит — все это горячо и хлопотно, поэтому бабушке Ли не терпелось все это сжечь, чтобы их больше не видели. Если бы их можно было обменять на деньги, Сунбаю не пришлось бы так много работать.

Бабушка дважды повторила, как она сожалеет, но Хэ Сунбай не чувствовал горечи, наоборот, он ощущал себя живым.

В его сердце появилась надежда. Как бы тяжело ни было, как бы он ни устал, он чувствовал себя счастливым, и все его тело наполнялось энергией.

На следующий день был выходной и Чжао Ланьсян отдыхала.

Санья с друзьями отправилась ловить гольцов на реку, но рыбы было мало, и они вернулись, наловив много лягушек. Первоначально они собирались их зажарить, но Чжао Ланьсян их остановила.

Она сказала:

— Не надо портить лягушек, они очень вкусные. Подождите до вечера, я приготовлю их для вас.

Санья радостно воскликнула.

Чжао Ланьсян достала новую школьную сумку для нее и сказала:

— Санья, быстро вымой руки и напиши несколько крупных иероглифов, чтобы бабушка видела.

Санья достигла возраста, когда можно читать и учиться грамоте. Хотя семья Хэ бедная, они все же могут платить за обучение два юаня. Как только наступила осень, Санья взяла школьную сумку и пошла учиться в школу в деревне.

Маленькая девочка бросила в бак с водой лягушек, обвязанных травой, и с радостью отправилась в бабушкину комнату читать книгу.

Чжао Ланьсян бросила быстрый взгляд на них. Старушка с трепетом достала из шкафа потертый карандаш, взяла внучку за руку и стала учить ее писать.

Хотя ноги и ступни у нее были неудобные*, но спина — максимально прямая, а выражение лица — серьезное.

П.п.: лotosовые ступни, бинтование ног, золотой лотос. Эта традиция зародилась в Китае в X

веке и продлилась до XX. Женскую ножку (в основном в аристократической среде) начинали перетягивать с детства, не давая ступне нормально формироваться, отчего она оставалась очень миниатюрной. Конечно, при такой форме нормально ходить женщина тоже не могла, только очень медленно, маленькими шажками и недалеко, либо ее носили слуги.

Хэ Сунбай вернулся с работы на улице и вытер пот.

Он случайно нашел две потрепанные книжки и принес их бабушке.

— Бабушка учит ее только арифметике. Девочкам надо бы побольше узнать и об этом.

Чжао Ланьсян взглянула, и то, что Хэ Сунбай достал, явно было классикой — стихами в древнем стиле.

Бабушка оттолкнула эти книги и с жестким выражением лица сказала:

— Сожги, зря тратишь деньги на покупку этих запрещенных материалов. Что делать с этими книгами? Я так запуталась, что не могу вспомнить.

Поэзия в эту эпоху еще считалась пропагандирующей неправильные ценности.

Хэ Сунбай молча отдал книги Чжао Ланьсян и попросил ее использовать их в качестве дров.

Как только Чжао Ланьсян сожгла книги, до ее ушей донесся громкий и взволнованный голос.

— Ах, я уже три месяца болею, а ты ни разу меня не навестила, — рот Цзян Ли так искривился, что на нем могла бы повиснуть винная тыква. — Но, если ты приготовишь мне вкусную еду, я тебя прощу.

Доску (шину) с ее ноги только что сняли, и она пришла к Чжао Ланьсян, как только смогла свободно передвигаться.

— Мне так не повезло. Эта обрушившаяся гора раздробила мне ногу и заставила пропустить идеологическую и политическую аттестацию. Моя мечта об университете рабочих, крестьян и солдат тоже разбилась, — продолжала жаловаться Цзян Ли. — Может быть, ты приготовишь еду, чтобы утешить меня?

— А я-то тут при чем? — удивилась Чжао Ланьсян.

Цзян Ли надулась и буркнула:

— Ты действительно раздражаешь. Твоя цель слишком высока. Если ты хочешь получить моего брата, разве ты не должна присматривать за мной?

Чжао Ланьсян перевернула сборник стихов на дне печки, чтобы пепел и обугленная бумага лучше прогорела. Она не обратила внимания на мысли маленькой девочки Цзян Ли, а просто раскрыла руки и сказала:

— Доставай.

Цзян Ли состроила недоуменное выражение на лице.

— У тебя карман оттопыривается, я видела. Чтобы ты не болела, я дам тебе часть этого мешка со сладостями, так что отдай его мне.

Цзян Ли окончательно сдалась и достала из кармана три письма.

Чжао Ланьсян подняла брови. Одно письмо в месяц. Цзян Цзяньцзюнь, неплохо.

Но ей не понравилась самоуверенная манера Цзян Цзяньцзюня вложить письмо, написанное ей, в письмо для Цзян Ли. Он считал само собой разумеющимся, что в эту эпоху отношения между мужчиной и женщиной были табу.

Однако Чжао Ланьсян испытывала к нему лишь отвращение.

Эта притворная привязанность еще более оскорбительна. Может быть, он все еще хотел устроить грандиозное шоу с возвращением блудного сына?

Она решила узнать у Цзян Ли и спросила:

— Ты не писала брату в это время?

— Нет, я лежала в больнице, как бы я еще успевала писать письма. Но мама один раз приезжала ко мне. Жаль, что тебя не было там в это время. Мама очень хотела с тобой встретиться.

Чжао Ланьсян не могла не удивиться:

— Зачем она меня искала? Мы ведь незнакомы...

Цзян Ли не удержалась и постучала костылями об пол:

— Откуда я это знаю! Может быть, брат ей сказал? Неважно. Я верю в тебя. Можешь ли ты сделать что-нибудь питательное и вкусненькое для меня?

Чжао Ланьсян попросила у Цзян Ли продовольственные талоны.

Затем девушка очистила лягушек одну за другой и сняла с них кожу, обнажив белое нежное мясо. С помощью кукурузного крахмала, яичного белка и белого вина она размяла их и замариновала на некоторое время, а затем бланшировала в кастрюле с водой*.

П.п.: если мясо или какие-то другие ингредиенты неприятно пахнут, то бланшировка помогает убрать запах.

Затем она начала готовить основу для костного супа. Половину она отставила в сторону, а оставшуюся половину вылила в сковороду, где обжаривала лук, имбирь, чеснок, сушеный красный перец, белый кунжут, а после добавила туда кости из супа. Прозрачная основа вдруг стала красной и маслянистой.

Девушка плотно закрыла печную заслонку, в результате чего огонь уменьшился.

Чжао Ланьсян тушила прозрачный суп из лягушек в большой кастрюле, добавила туда горные грибы, батат, красные финики и волчью ягоду, нарезала несколько кусочков тофу и снова стала тушить на маленьком огне. Когда суп закипел, она добавило мясо лягушек, и суп стал молочно-белым еще до того, как снова закипел.

Затем разделила лягушку: половину тушки, в прозрачном бульоне, отложила для бабушки, а вторую половину оставила Цзян Ли.

Цзян Ли вытянула шею и сказала:

— Красная выглядит так аппетитно, что я хочу ее съесть.

Чжао Ланьсян холодно сказал:

— Ты хочешь съесть все, что видишь. Думаешь, что сможешь съесть это?

Цзян Ли действительно было все равно. Она засучила рукава и бланшировала еще несколько лягушек. Затем подождала, пока они сварятся, и выловила их, чтобы съесть.

Горячий и пряный вкус внезапно ворвался в ее рот, и до того он был свеж и восхитителен, что девушка замычала от удовольствия. Мясо было нежным и гладким, суп — острым и горячим, но это возбуждало аппетит. Хотелось есть еще и еще.

Мозг Цзян Ли был занят этим властным вкусом, было так восхитительно вкусно, что на глаза навернулись слезы. Она не могла удержаться от шипения и вдыхала пряный и насыщенный суп, обволакивающий нежнейшее и гладкое лягушачье мясо. Пропитанное ароматным бульоном, мясо было настолько мягким, что просто таяло во рту. На вкус оно было нежнее, чем другие виды мяса, например, свинина или курица.

Это было очень горячо, до боли, но так приятно.

Цзян Ли сказала:

— Это вкусно! Это действительно интересно! После употребления каши и гарниров в течение нескольких месяцев в самый раз съесть немного чего-то такого необычного.

Это было слишком вкусно, чтобы остановиться. Горячий суп в горшочке заставил Цзян Ли хотеть съесть еще и еще, снова и снова, пока не лопнет. После первого острого вкуса остается густое и длинное послевкусие от трубчатых костей. Лягушка нежная и свежая, она даже вкуснее куриных ножек, но все такая же ароматная и нежная!

Цзян Ли проглотила три лягушки, а потом ей захотелось остановиться и запить супом из лягушачьего мяса и горных грибов.

Она икнула от сытости и вздохнула:

— Ты отлично проводишь время. Ешь такую вкуснятину каждый день... Я сейчас думаю об этом, и мне кажется, что было бы неплохо, если бы мой брат смог жениться на тебе. В будущем я смогла бы часто заглядывать к вам в гости...

Чжао Ланьсян, собиравшаяся позвать брата и сестру семьи Хэ, не могла не растеряться.

Ей хотелось возразить Цзян Ли, но, чтобы не раскрывать перед Цзян Цзяньцзюнем факт своего перерождения, она стерпела. Пусть мужчина и дальше ошибочно считает ее неопытной, простой и легко управляемой девочкой.

<http://tl.rulate.ru/book/46619/3260494>